Ворона

Жил да был старик со старухой. Поехал об Офанасьеве дни в гости со старухой. Сели рядом, стали говорить ладом. Ехали-поехали — по ногам дорогой. Хлебе́сь кобылу бичом троеузлым. Угнал, думал, верст пять-шесть, оглянулся: тут и есть (еще и с места не подался). Дорога худая, гора крутая, телега немазанная.

Ехал-попоехал, до бору доехал. В бору стоит семь берез, восьмая — сосна виловата. На той сосне виловатой кокушица-горюшица гнездо свила и детей свела. Негде взялась скоробогатая птица, погуменная сова — серы бока, голубые глаза, портеное подоплечье, суконный заворотник, нос крючком, глаза по ложке, как у сердитой кошки. Гнездо разорила, и детей спогубила, и в землю схоронила.

Пошла кокушица, пошла горюшица с просьбой к зую праведному. Зуй праведной по песочку гуляет, чулочки обувает, сыромяные коты́. Наряжает синочку-россылочку, воробушка-десятника к царю-лебедю, к гусю-исправнику, грачу-становому, к ястребу-уряднику, к тетереву польско́му — старосте мирскому.

Собрались все чиновники и начальники: царь-лебедь, гусь-губернатор, павин-архирей, коршун-исправник, грач-становой, ястреб-урядник, тетерев польской — староста мирской, синичка-россылочка, воробей-десятник и из уездного суда тайна полиция: сыч и сова, орел и скопа. «Что есть на белом свете за скоробогатая птица — погуменная сова, белы бока, голубые глаза, портеное подоплечье, суконной заворотник?»

И добрались, что ворона.

И присудили ворону наказать: стряхнули ко грядке ногами и зачлли секчи по мягким местам — по ледвеям. И ворона возмолилася и: «Кар-карата́ите, мое тело тарата́ите, никаких вы свидетелей не спрошаете!» — «Кто у тя есть свидетель?» — «У меня есть свидетель воробей». — «Знаем мы твоего воробья, ябедника, и клеветника, и потаковщика! Крестьянин поставил нову избу— воробей прилетит, дыр навертит; крестьянин избу затопляет, тепло в избу пропущает, а воробей на улицу выпущает... Неправильного свидетеля сказала ворона!»

И ворону наказывают пуще и того.

И ворона возмолилася: «Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрошаете!» — «Кто у тя есть свидетель?» — «У меня есть свидетель — жолна». — «Знаем мы твою жолну — ябедницу, клеветницу и потаковщицу! Стоит в раменье липа, годится на божий лик и на иконостас. Жолна прилетит, дыр навертит; дождь пошел, липа изгнила, не годится на иконостас; после того и лопаты из нее не сделати! Неправильного свидетеля опять сказала!»

И пуще того ворону стегают по ледвеям и по передку!

Опять ворона возмолилась: «Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрошаете!» — «Кто у тя есть свидетель?» — «У меня есть свидетель последний — дятел». — «Знаем мы твоего дятла — ябедника, клеветника и потаковщика! Крестьянин загородил новый огород: и дятел прилетел, жердь передолбил, и две передолбил, и три передолбил; дождь пошел, огород расселся и развалился; крестьянин скот на улицу выпущает, дятел в поле пропущает!»

И ворону наказали, от грядки отвязали. Ворона крылышки разбросала, лапочки раскидала: «Из-за кокушицы — из-за горюшицы, из-за ябедницы я, ворона-праведница... Ничем крестьянина не обижаю: поутру рано на гумнешке вылетаю, крылышками разметаю, лапочками разгребаю — тем себе и пищу добываю! Она — кокушица, она — горюшица, она — ябедница, она — клеветница! Крестьянин нажал один суслон — кокушица прилетит и тот одолбит! Больше того — под ноги спустит!..»

И выслушали воронины слова. И ворону подхватили, на красный стул посадили. Кокушицу-горюшицу, в наказание ей, в темный лес отправили на тридцать лет: поглянется — живи весь век!

И теперь кокушка в лесу проживает и гнезда не знает.

(Зап. от К. Михеева, с. Юрьево Котельнического у. Вятской губ.)

Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. — Записки РГО, 1915, т. 42.

Читайте также русскую народную сказку "Ворона-карабута".